

Содержание

Глава 1.....	7
Глава 2.....	23
Глава 3.....	41
Глава 4.....	53
Глава 5.....	69
Глава 6.....	79
Глава 7.....	102
Глава 8.....	123
Глава 9.....	137
Глава 10.....	162
Глава 11.....	177
Глава 12.....	192
Глава 13.....	222

Глава 14.....	252
Глава 15.....	263
Глава 16.....	285
Эпилог.....	300

Глава 1

Москва нежилась, древнела, отдыхала и успокаивалась в лучах ещё не заходящего вечернего солнца. Стояло лето 197... года, и небо над Москвой было таким бездонно-чистым и открытым, как будто в мире наступало какое-то сверхъестественно безмятежное время.

Спиридоньевский переулок, что затерялся в бесконечных улочках между Пушкинской и Никитской площадью, тоже был покоен, солнечен и чист. Одинокое прохождение — многие москвичи уже разъехались по дачам, была суббота, — только подчёркивали высшую пустынную и уютность улиц. Иногда из какой-нибудь булочной выскакивала осторожливая старушка с буханкой белого хлеба в руке, да лениво позёвывал на своём посту милиционер... Но по мере того, как темнело, некоторая тревожность, как всегда, входила в улицы и переулки. Впрочем, довольно благая тревожность. Точно тьма таила в себе пробуждение...

Дом № 3 по Спиридоньевскому переулку — двухэтажный, желтовато-белый, — сохранился ещё с конца прошлого века. Широкая парадная лестница вела в квартиры с длинными узкими

коридорами, по бокам которых размещались комнаты жильцов. В конце одного коридора, выходящего в глубокий и покойный сад, приютились две смежные комнатки, которые принадлежали Олегу Сабурову — знаменитому подпольному неконформистскому поэту Москвы. В этот вечер Олег сидел у себя со своим давним другом Борисом Берковым в томительном и немного странном ожидании. Мебель в комнатах была вовлекающая в себя, старинная, и друзья расположились в высоких вольтеровских креслах, покуривая и распивая пиво. Иногда из сада под окном раздавался какой-нибудь причудливо-нездешний голосок и сразу замирал.

— Придёт или не придёт, вот в чём вопрос, — мрачно повторял Борис.

Был он низенького роста, с внимательным, даже пронизывающим взглядом и с выражением на лице скрыто-одухотворённым. Олег же внешне являл собой полную противоположность: пышный, красивый, со стремительными движениями, вдохновенным лицом и печальным, но властным взглядом. Чувствовалось, что он избалован женщинами, хотя это внутренне не коснулось его. Обоим друзьям было под тридцать.

— Я почему-то боюсь, что он не придёт, — глухо ответил Олег.

Стало тихо в комнате, когда где-то — словно из несуществующего подпола — болезненно мяукнула кошка.

— И что же будет, если он не придёт?

— Тогда будет то, что было, — продолжал Олег. — А мне так хочется многое изменить!

— Почему, Олег? Что с тобой?

— О, Боря, ты же знаешь меня. Да, конечно, я хочу того, чего всегда хотел: славы, самоутверждения и... бессмертия.

— Ты сама скромность, Олег.

Сабуров засмеялся, неожиданно изменившись в лице.

— Да. Но, Боря, иногда я вдруг, среди дня, отключаюсь и смотрю застывшим взглядом в одну точку, как будто что-то, самое жуткое и тайное, я упустил... А потом бессмертие. Я ведь говорю не только о творческом, но и том... абсолютном бессмертии. И это мучает меня. Что-то во мне надорвалось. Может быть, потому что я болел, но, скорее, не в этом дело. Я чувствую, что мы, люди, находимся в совершенно невыносимой ситуации: с одной стороны, жизнь сама по себе, сознание, самобытие — так прекрасны, и так хочется, чтобы это всегда было, но, с другой стороны, жизнь чудовищно, издевательски коротка и безобразна... и что после? Если не владеть ключами жизни и смерти, то лучше не жить. Если бессмертие существует, то я хочу сейчас, именно сейчас, стать свидетелем своего собственного бессмертия, а не просто верить в него! Соприкоснуться с ним практически! Если же это невозможно и всё покрыто непостижимым мраком, то хотя бы продлить, продлить жизнь, за её обычные сроки, любыми средствами, в том числе и почти сверхъестественными. Говорят, теперь много появляется намёков на такую возможность. Тогда и шансы на абсолютную разгадку будут выше.

Но я чувствую жажду сохранить и спасти себя. И поэтому боюсь, что он не придёт. Не придёт, как не встают мёртвые из гроба.

— Ну что за сравнение!

— А, это к слову! Но видишь ли, я ничего не преувеличиваю. Я знаю из верных источников, что этот тайный человек существует. Кто он? Маг, исцелитель, алхимик — не знаю. Но он обладает какой-то огромной силой и, главное, совершенно необычной, не встречающейся почти в истории людей. Как тебе сказать? Необычной в смысле её направленности и сути. Так оценивают это те, которым я доверяю. Нет, не маг, не исцелитель, это слишком банально, хотя, может быть, он и делает мимоходом все эти пустяки. Это что-то другое, совсем другое! Мне сказали, что лучше всего его назвать «алхимиком», хотя то, что он делает, может быть, к алхимии никакого отношения не имеет. Но случилось так, что мой приятель, через которого я кое-что знаю, уже больше никогда не увидит этого тайного человека. Здесь всё кончено. Но он назвал Сашу Трепетова, сказав, что Саша действительно близок к нему. И вдруг теперь Трепетов обращается к нам...

— Но не сам этот человек...

— Но ведь Саша с ним в контакте, и придёт от его имени...

— Что тебе Трепетов точно сказал?

— Что я, ты и Лёша выбраны. И чтоб больше никого не впутывать в это дело.

— А много ли людей в Москве вообще слышали об этом тайном человеке?

— В основном только очень узкие круги. Но так получилось, что вся эзотерическая Москва содрогнулась...

— Что же можно такое сотворить, чтобы даже эзотерическая Москва содрогнулась? — пробормотал Берков и тихонечко себе, спокойно закурил новую сигарету.

Опять настойчиво и беспомощно мяукнула сиротливая кошечка, оказавшаяся под кроватью. Она была бездомная, и угол под кроватью поэта был только временным убежищем для неё. Откуда-то из коммунальной кухни донёсся нелепый звон кастрюль.

— И ты по ряду признаков думаешь, что этот человек владеет, так сказать, ключами жизни и смерти? — добавил Берков, неуютно взглянув приятелю прямо в лицо.

— О, Боря, Боря! — Олег даже вскочил с кресла. — Не думай, что я такой уж подлый, законченный эгоцентрист! Хотя, конечно, как я говорил, это, мягко выражаясь, не последнее, что интересует меня... Нет, понимаешь, есть нечто большее, что меня влечёт... Я ведь ничего не знаю, тут какое-то притяжение, что-то странное, великое и реальное...

— Да, самое интересное в этом деле, — прервал Борис, — его подлинность. А подлинность в таких вещах нельзя пропускать. Я и согласился на всё это только потому, что слышал кое-что крайне любопытное об этом человеке от серьёзных людей.

— То-то и оно! И не упрекай меня...

Но тут раздались истерические шесть звонков в дверь этой коммунальной квартиры. В ответ в стороне, на кухне, упала чья-то кастрюля, может быть, вывалилась из руки хозяйки.

— А это к нам идут, — улыбнулся Боря.

— Пойду открывать, — озаботился Олег.

Через минуту-другую он вернулся.

— Конечно, Закаулов, — радостно объявил он.

— Ну, значит, все в сборе, не хватает только главного, Саши Трепетова, — вздохнул Боря. — Ну, входи, Лёха, входи!

И Лёша Закаулов появился за спиной поэта. Олег захлопнул за ним дверь и запер её на ключ. Лёха, как всегда, был чуть-чуть пьян («Не удержался даже в такой момент», — подумал Берков), в помятой рубашке, он весел.

— Ребята, клянусь, не пил, зная, что иду в бездну, а не в пивную! — воскликнул он.

— Ну, если подходить с твоими мерками, то можно считать, что ты сегодня не пил, — проворчал Борис.

Лёха уселся в третье вольтеровское кресло.

— Лёшка в норме, — заметил Олег. — Он выпивши, но без перехода за грань...

— Для меня непонятно одно, господа, — заговорил Закаулов из глубины своего кресла, — зачем этот тип, Саша Трепетов, выбрал меня?! Понятно, что тебя, Олег, ты — поэт, языковорец, избранник муз и богов, и что тебя, Борис, ты — подпольный интеллектуал, философ... Но зачем этому тайному человеку я, я, Лёха Закаулов, с моим метафизическим надрывом, песнями

и пьянством?.. Мне бы улететь на Луну, а не лезть в ворота жизни и смерти. Я сюрреалист, чёрт побери, гуляка, и у меня сердце иногда рвётся на части от любви.

— Наговорил! — захохотал Олег. — Ты, Лёха, — поэт, только я пишу словами, а ты — своей жизнью...

— Спасибо, Олег. Утешил, — пробормотал Лёша. — Если б не вы двое, я б, может, и не пошёл к этому тайному человеку, да ещё через посредника. Хотя, откровенно говоря, всё это вдруг стало меня занимать по большому счёту. Ну, в крайнем случае посмотрим на Сашу Трепетова — он и сам по себе легендарная личность.

— Саша ведь, — вставил Берков, — из самых скрытых слоев московского подполья. Глубже этого слоя, по-моему, уже ничего нет. Недаром он связан с этим тайным человеком...

— Хватит о нём, — вдруг прервал, чуть не вскрикнув, Олег, — об этом... алхимике. Здесь навверчено столько, что голова пойдёт кругом. Хватит! Лучше поговорим о Саше. «Алхимик»-то появился недавно и неизвестно откуда, точно с того света, а Трепетов уже столько лет крутится по глубинкам московским, он из нашего мира...

— Но из другого слоя, — поправил Борис. — Ты ведь даже не был с ним знаком до недавнего времени, а только слышал о нём...

— Это уж точно, что слышал! — захохотал из своего угла Лёха Закаулов, ловко вынув из кармана уютную четвертинку чего-то крепкого и смочив им горло. — Я ведь тоже многое слышал...

Был Закаулов беспределен, лих, но временами — серьёзен и мрачен в своём веселии. Было ему тоже под тридцать лет, и выглядел он, худой и голубоглазый, хоть и растерзанным, но с загадочной бравадой и отчаянностью. Любили его за широкие и необъяснимые метафизические высказывания во время пьянства.

— Так что же ты слышал о Саше? — спросил Борис.

— Станный он человек! — как-то по-трезвому оживившись, ответил Закаулов. — Хотя и я, конечно, нестандартен, что и говорить. Я ведь Трепетова видел давно, всего несколько раз, мельком. И мне трудно о нём говорить. Что-то неуловимое и непонятное в нём есть, во взгляде, даже собственнo взгляда нет, а есть нечто большее... Нет, не могу сказать.

Он задумался и поставил четвертинку себе между ног.

— Кто хочет, наливайте, — пробормотал он. — Да, конечно, о нём много всяких легенд и побасенок ходит. Например, дескать, устроили ему с большим трудом частные уроки, итальянского, он же знает языки, для дочери какого-то академика. По высшему счёту. Мол, известный человек, Бодлера, Рембо и Петрарку переводит, почитайте «Иностранную литературу». А потом в назначенный час раздаётся звонок в эдакую роскошную квартиру академика. Мамаша с дочкой умильно открывают: всё-таки учитель, не кто-нибудь, а переводчик Петрарки. И входит Трепетов. Два-три неуверенных шажка по импортному ковру

и бац — падает. И блюёт на ковёр. Явился: учитель...

— Неплохо. Разрядил, разрядил ситуацию Лёшка, — улыбнулся Берков.

— Или ещё. — И Закаулов лихо отхлебнул из бутылки. — Приходит Трепетов в «Иностранную литературу» по поводу статьи о немецких поэтах-авангардистах. Туда-сюда. Присели на стулья в одном кабинете. Неожиданно входит важное начальство и о чём-то убеждённо говорит. Вдруг Саша приподнимается со стула, молча берёт пухлую руку начальника и намертво целует её. Руководящий замирает, обалдевает и тихо себе, без слов, вылетает из комнаты.

— Да, странновато...

— Ну, это всё-таки легенды. Хотя... Вот ещё одна, она, может быть, точнее. Кто знает?! Последнее время что-то умирают вокруг Саши, те, кто с ним особенно общается. Просто умирают — и всё. Но в основном — исчезают. Таких, пожалуй, больше: исчезают с поля зрения, как в воду канут...

— Ну, наговорил!

— Боюсь я где-то его! — вставил Закаулов.

И он затих. Тишина была мрачноватая и неожиданная.

— М-да, — нарушил молчание Борис, — вроде бы Саша где-то не чужд нашему миру — людей подпольного искусства... У нас же много слоёв, есть и обращённый к метафизике, Олега, например. Кроме того, ведь в Москве много духовно-религиозных групп, есть и чисто эзотерический

слой. Скажем, Кирилл Леснёв и его союз русских мудрецов. Они связаны с Индией, с Востоком... Есть и другие...

— Ты ещё лекцию прочти!

— Да нет, — смутился Борис, — я клоню к тому, что Трепетов вне всяких кругов, даже эзотерических, хотя, казалось бы... Ведь он их всех знает... Но сам он — в каком-то другом, последнем круге, если такой есть...

И в это время опять раздались шесть долгих пронзительных звонков в квартирную дверь. Понималось, что кто-то из соседей открыл. И через минуту раздался стук в дверь.

— Войдите.

И вошёл Саша Трепетов: человек тридцати с лишним лет, среднего роста, с русыми волосами и с лицом на первый взгляд довольно обычным. Но вскоре это впечатление от его лица рассеялось. И увиделось иное: что-то очень далёкое, еле уловимое, но присутствующее... И это далёкое как бы отстраняло все человеческие выражения на его лице, и оттого оно становилось непроницаемым для самого пронзительного взгляда, оставаясь в то же время открытым.

Как-то чересчур напряжённо и вежливо представлялись.

— Чайку? — смиренно спросил Олег.

— Отлично, — ответил Трепетов, усаживаясь за стол.

За дверью, в коридоре, заворочалась любопытная старушка-соседка, любившая подслушивать — для утешения — непонятные разговоры.

— Так вот, Саша, — начал сразу Борис Берков, после некоторого молчания, — мы знаем, что вы как-то связаны с этим тайным человеком...

— Да, он хочет, чтобы я нашёл для него людей, познакомиться, так сказать, поговорить кое о чём... Вы сами-то хотите, все трое?

— О, да! — поспешно ответил Олег.

— Почему бы нет! — задумчиво пробурчал Борис из своей «вольтеровской» глубины.

— Слишком большая честь! — закричал из своего угла Закаулов. — Но, в общем-то, я согласен, согласен!

— Но всё это, естественно, не так просто, — проговорил Трепетов, посматривая на них. — Я выбрал вас сам. Но прежде чем состоится знакомство, надо будет пройти несколько этапов, может быть, два-три. И только потом, если всё будет благополучно, — встреча и действие.

— Значит, как полагается: сначала надо узнать, способны ли мы к инициативе?! — усмехнулся Берков. — Будут испытания?

— Не совсем. Гораздо больше, чем испытание. Скорее антииспытание. Ничего страшного не будет. Никаких посещений сферы смерти. Первый шаг таков — попытаться найти ещё двух-трёх людей. Чтобы подсоединить к вам. Дело в том, что я выбрал вас более или менее произвольно, но других надо выбрать по некоторому принципу. Этот принцип совершенно закрыт, и о нём невозможно говорить. Можно условиться только так: вы мне показываете своих людей, кого угодно, пусть самых интересных с вашей точки зрения, а я буду

наблюдать и отбирать. Одной встречи с каждым достаточно для отбора.

— Значит, мы можем показывать кого угодно? — переспросил Олег.

— Да, кроме вот этих.

И Трепетов протянул ему бумагу, где значились фамилии в том числе некоторых весьма известных подпольных художников, поэтов и писателей.

— Эти не годятся, — добавил он, попивая чаёк. За дверью, в коридоре, кто-то испуганно прошмыгнул. — А потом, когда мы отберём людей, сделаем ещё один шаг. Это будет второй этап: для всех, кто будет включён... И для вас, значит, тоже. А дальше будет видно... Может быть, потом вы встретитесь с ним, и начнётся главное.

— Саша, кто этот тайный человек? — Олег подошёл к столу, намереваясь закурить.

— Не торопитесь.

— Но всё-таки, хотя бы намёки. Мы же слышали независимо от вас кое-что.

— Его называют «алхимик», — заметил Борис.

— Ему уже не надо ни во что превращаться. Всё, что могу пока сказать: у него много имён.

— Есть ли человеческое?

— Смотря по тому, что иметь в виду под этим словом. Какое... «человеческое»?

— Ну, для начала, просто имя, место рождения по паспорту? — усмехнулся Олег.

— И это есть. Его имя-отчество Тихон Фёдорович, и родился он в городе Пензе.

— Недурной городишко! Самое место для рождения таких людей.

— И ещё. Вы можете его называть теперь: Человек Востока.

— Это уже ближе...

— Да-с, Саша, — вдруг задумчиво высказался Лёша Закаулов. — Надеюсь, вы не ввергнете нас в чёрную магию, договор с дьяволом...

— Бросьте, Лёша, — добродушно, и даже ласково, возразил Трепетов, опять отхлебнув чайку. — Что же вы всё привязали к князю мира сего? Вот уж действительно: сильнее кошки зверя нет. Это совсем из другой оперы. Не на полярности между богом и дьяволом всё сошлось, — добавил он.

— Доказательства! — буркнул Алексей полусуто.

— Почему такой страх перед дьяволом? — удивился Трепетов, поглядывая на Алёшу. — Это же присутствует везде! — и он сделал широкий взмах рукой, как будто бы даже пригласительный. — Ну, хорошо. Если уж вы так волнуетесь, то доказательства будут, когда приступим ближе к делу... Только напомните мне.

Олег осторожно посмотрел на Трепетова. Его раздражало, что Саша имеет власть вопреки той сфере, где царствует он, Олег Сабуров, сфере поэзии. И это уязвляло его. Но он знал, что с этим надо смириться: что-то в душе его недавно надломилось, и она стала открытой для новых и таинственных течений. И эти течения меняли его. Он сдержал себя. Ему было даже жутко и где-то приятно ощущать себя беспомощным.

— Ну, так вот, господа, — закончил Трепетов, взглянув на часы, — я же говорил, свидание будет

коротким. Давайте договоримся так: вы, Олег, — он как будто слегка выделял поэта, — позвоните мне, лучше утром, когда найдёте первого человека. Но хочу заметить, что вам нечего беспокоиться, если даже я не отберу никого. Тогда мы перейдём к следующему этапу только с вами. К тому же удача и неудача — это категории дьявола, а не наши. Мы не любим побед — в отличие от него, — добавил он насмешливо и встал.

— По рукам, — улыбнулся Берков и тоже встал.

— Оставайтесь, Саша, — предложил Сабуров.
— ...Будет...

— Нет, спасибо, мне надо идти...

— Ну, как хотите. Ждите звонка.

Трепетов открыл дверь и, церемонно извинившись перед подслушивающей старушкой, направился по коридору. Олег провожал его.

— Ну и тип! — воскликнул Лёша.

Олег тут же вернулся.

— И как? — взволнованно проговорил он.

— Тих, — ответил Берков.

— То-то и оно, что тих... Неужели ты не чувствуешь, как он весь затаён и от его тишины веет чем-то неизмеримым... Такому не надо совершать чудеса...

— Да, совсем не то, что в легендах о нём! — воскликнул Закаулов из своего угла. — Но всё это по мне, ей-богу, это по мне, ребята! Люблю посылать всё к чёрту и броситься с вышки в глубь...

— Тише, тише! — попытался остановить его Берков.

— Не хочу тише! И скажи, Олег, твоей соседке, чтоб донесла на нас в лучшие инстанции! — и Лёха погрозил пальцем. — А не в те, которые рожутся в человеческом дерьме: политика, грабежи, секс...

— Не бойся, Лёха, она глуховата. Подслушивает она только наши шаги, — улыбнулся Олег.

— Пусть на шаги и доносит. В лучших инстанциях могут судить и по шагам.

— Лучшие инстанции и так наперёд знают всё, — прервал их Берков. — А теперь: как вы смотрите на всё это?

— Скажу одно, — ответил Олег, расхаживая по комнате, — я чувствую ясно, что за Сашей что-то стоит... Моё чутьё меня не обманывает. Но этот Трепетов чем-то меня раздражает, — вдруг разозлился он. — Адепт, так сказать. Хотя меня тянет к нему... вернее...

— Да-а... Человек Востока так и остался во мраке, — пробормотал Берков. — Ещё надо пробиваться к нему.

Было решено, что «полёт к Человеку Востока» надо продолжать до конца. И, естественно, держать всё закрытым, не вмешивая посторонних, как и было обещано Саше. Это лучше для них же самих. И попытаться найти других людей... И они удивились, что столько интересных и глубоких личностей стоит в списке тех, кто исключён...

— Ведь мы не знаем принцип отбора, тем более мы выбраны иначе, «произвольно», как выразился Саша. На чём этот принцип основан? Явно не на обычном, — проговорил Берков.

— Темна вода...

Но в это время снова прозвучали знаменитые на всю подпольную Москву шесть звонков в одну из дверей дома № 3 по Спиридоньевскому переулку. Кто-то ломился к Олегу сквозь ночь, ветер, бред и вой машин послушать стихи и огненно прокричать среди тьмы. Звёзды уже заглядывали в окна.

— Идут, идут, уже идут! — воскликнул Закаулов.

— Начинается! — надменно усмехнулся Олег. — Пойду открывать.

Глава 2

Через некоторое время всё переменялось в этой комнате. Несмотря на плотно закрытые двери изнутри порой доносились исступлённые крики, переходящие вдруг в шёпот и бормотание, звон посуды и одинокие возгласы... Два раза кто-то выскакивал в коридор, взлохмаченный, потный, с криком: «Я больше не могу!»

Жильцы дома номер три, квартиры номер четыре, по Спиридоньевскому переулку уже ко всему этому привыкли. Бывало всё: и невероятные сборища до шести утра, и шествие среди ночи по длинному коридору в высшей степени подозрительных личностей, то оборванных, то чересчур интеллигентных, и появление милиции, и сумасшедшие беседы в коридоре, и бесконечный ряд водочных бутылок, и вынос пьяного тела — домой, к друзьям или далеко-далеко... Жильцов поражала странная смесь лиц на «сборищах»: солидные бородатые люди, в хороших костюмах, с портфелями, иногда любовно ухаживали за дикими оборванцами, чуть ли не вытирали им со рта пьяную блевотину. Да и сами «солидные» люди были хороши, если, правда, внимательно вглядеться им в глаза.

Одна старушка-соседка, например, «вглядывалась» и потом так пугалась, что заболела кошмарами.

— Ну о чём можно целыми ночами говорить?! — возмущалась вторая соседка, которая тоже любила подслушивать. — Ведь говорят, говорят, ночи напролёт... А то шепчутся, шепчутся... Ум последний потеряешь.

— Нет, это неспроста, — заявляли другие, — тут что-то есть...

И они шарахались от собственных слов. Впрочем, времена были уже давно не сталинские, и с точки зрения закона всё было относительно благополучно. Даже с порой возникающими милиционерами были добродушные отношения.

Поэт Лёня Терехов, например, вышел один раз из этого дома не только по-небесному пьяный, но и без штанов, и причём прямо навстречу милиционеру. Но поэт ничуть этим не смутился, а бросился в объятия служивому и стал его целовать. А на суровый вопрос: «Где штаны?» ответил: «Что значат штаны, товарищ милиционер, по сравнению с вечностью?» И тот увёз поэта в выпрезвитель...

Среди жильцов квартиры номер четыре тоже обитал милиционер, Костя, но был он тихий и забитый. Он побаивался компании Олега (потому что видел то, что, по его мнению, невозможно было видеть), но всё-таки кричал иногда из-под двери, запершись на крючок:

— Олег, я тебя посажу, Олег, я тебя посажу!

Но дальше этого дело не шло, да он и не хотел никого сажать — но любил иногда шумно

грозиться, прикрывая свой испуг. К тому же «посадить» кого-либо было уже трудно.

— Баб почему голых рисуют?! — возмущался он иногда, поглядывая в комнате Олега на картины по стенам.

За голых баб он принимал обычно иное, часто летящие гробы.

Так или иначе, но по средам и субботам таинственный и свободный загул царил в доме номер три по Спиридоньевскому переулку.

Сейчас в уютных двух комнатках Олега было всего человек восемнадцать — меньше чем обычно. За окнами по-царски правила ночь, и почти все люди пришли недавно, отзвонив свои, вызывающие нервные судороги у жильцов, шесть звонков — знак, что идут к Олегу. Выделялась Катя Корнилова, подпольная царица московских кружков, женщина лет двадцати семи с мягкими золотистыми волосами и лицом смелым и нежным. «Царевной» она была не просто за женственность — мало ли красавиц в столице, — но за «огонь и глубину личности», как плаксиво говорил Глебушка Луканов, знаменитый художник и её поклонник. Глебушка был пьяница, который рисовал фантастические картины, напоминающие древние сказки, и слава его в неконформистском мире не уступала Олеговой.

Два портрета Кати Корниловой работы Луканова украшали лучшие салоны художественной элиты Москвы. Один из них словно был в ауре древнерусских царевен, милосердных и благостных, подобно самой Анастасии, первой жене Ивана

Грозного, которая смягчала страшный нрав царя: при ней он ещё не был Грозным.

Сам художник и творец этих портретов смирно сидел в углу, блестящими безумными глазами поглядывая на Катю. Был он почему-то в пальто, которое приходилось ему чуть ли не до пят. Катя пришла не одна, а как всегда со свитой: за ней тянулась целая цепь «мамасек» или её душевных поклонников и поклонниц, которых она пригревала своим существованием и вводила в круги неконформистской Москвы. Это были совсем молодые люди, неопиты, лет девятнадцати-двадцати, которые ещё тянулись к необычному. Некоторые из них впервые были на вечере у Олега, и им торжественно подносился штрафной стакан водки — знак внешнего посвящения. Выделялась Верочка Тимофеева, самая молоденькая. Пухлая и доверчивая, она чуть не плакала от радости и светилась, что здесь можно по-духовному выпить и поговорить о Боге. Она с любопытством поглядывала на человека, что-то шептавшего об антропософии Андрея Белого...

Катя — такое уж наступило у неё время — жила одна, свободная, но недоступная, хотя её и окружали многочисленные поклонники, из которых она выделяла Глебушку Луканова.

— Что ты в нём нашла? — сказала ей как-то Тоня Ларионова, любовница Олега. — Может быть, он и великий художник, но сам как дитя. В нашем мире есть другие великие: сильные...

— Мне такие великие не нужны, — ответила ей по-тёплову Катя. — Они без меня обойдутся.

Я вот малышей люблю пригреть, им тепло сердечное давать. Им много не надо, Тонюша — ласковое словцо, чайком угостить, да иной раз о Царствии Небесном потолковать. А ведь тем великим я вся нужна: они жадные, избалованные. Я ведь и Глеба Луканова, из великих, терплю только потому, что он на них не похож: весь в соплях, пьяница, плачет часто и по арбатским магазинам по вечерам побирается — на водку просит... Так-то вот, Тонюша.

И Тонюша, усмирённая, отошла.

Вообще поклонницы Олега — красивые, чуть-чуть высокомерные, холёно-стройные — были противоположностью «мамаськам» Кати, бедным, утомлённым и мечтательным...

...Олег только что кончил читать свои стихи — и всё ещё длилась тишина.

— Извёл, извёл ты нас своими стихами! — вдруг заголосил Закаулов. Около него лежал стакан из-под вина. — Что-то в твоих ритмах захватывает... Ритмы, ритмы — вот в чём дело.

— Олег, почему я всегда вспоминаю детей после ваших стихов? — раздался голос из тьмы.

— Водки, водки, водки! — завопил кто-то из угла.

— Да при чём здесь дети?! — закричали рядом. — Здесь просто мастерство... Олег, прочтите ещё!

— Не надо смысла, только не надо смысла! — забормотала белокурая девушка, очутившаяся около Верочки Тимофеевой. — Не надо смысла: от него страшно! Пусть от стихов остаётся только музыка. Только музыка. Не хочу смысла!

— Да нет же, смысл здесь усиливает музыку. Музыка тогда ещё больше рвёт душу! — выкрикнул Закаулов. — Как ты не понимаешь!

— Не могу я, не могу! Я должен выпить от всего этого! — застонал худой моложавый парень по имени Коля и тут же исчез с бутылкой водки за шкафом. Он почему-то очень любил этот шкаф и иногда садился на него верхом, чтобы выпить там и послушать стихи.

Олег привык к подобной реакции и сам пьянел от неё. Он часто испытывал то же, что и слушатели, и ему хотелось читать, читать и читать, чтобы выхлестнуть всё и опьянеть от этого, и вознести свою душу куда-то вверх. Он чувствовал в себе смесь ярости и восторга. Кругом него были свои; кто лежал на полу, кто сидел у стола, какая-то группка облепила вольтеровское кресло. Всюду были разбросаны бутылки водки, пива, вина и необильная, скорее спартанская закуска: чёрный хлеб, лук, кусочки сыра. Но водки было в невероятном количестве: вдоволь хватало на всех.

Олег прочёл довольно много, и был какой-то переломный момент: некоторые устали. Читать дальше или не читать?

Всё решили резкие сумасшедшие шесть звонков в квартирную дверь.

— Кто это ломится? — подумал Берков. — Уже совсем ночь.

Пошатываясь, Берков пошёл открывать — вперёд, по длинному коридору. Он слышал, как что-то щёлкнуло, и ему показалось, что дверь

в одну из комнат приоткрылась и на него смотрит глаз: огромный, внимательный и пугливый.

То была старушка-соседка, которой часто после «сборищ» снились кошмары. Беркову захотелось шагнуть к ней, но он раздумал и продолжил свой путь. Неуверенно открыл дверь, и перед ним очутился Лёня Терехов.

В другом конце коридора по какому-то наитию уже чувствовали, что это Терехов. Высунулся кто-то лохматый и белолицый (напротив жил милиционер), который прошипел.

— Терехов, Терехов идёт! — громко и радостно закричали.

Олег немного сник, теперь не хотелось читать. Терехов был единственный подпольный поэт в Москве, который — по крайней мере, в смысле славы — мог соперничать с Олегом. И писал он другие стихи — совершенно разорванные, безумные, возникающие как факелы в ночи. (В творчестве он считался намного левее и авангардней Олега.) И жизнь его была под стать его поэзии.

— В шапке или без? — спросил Олег.

Если Лёня был в шапке, независимо от погоды, — это значило, что он почти трезв. Шапку же он снимал (тоже независимо от погоды), когда был пьян. Как он объяснял — из почтения к алкоголизму.

— Без шапки, но держит её в руках, — осведомила Олега Тоня Ларионова.

Олег вздохнул. Последний раз Лёня появился перед ним в шапке — в приличной академической компании, куда был приглашён. И действительно,

был трезв. Пили только чай — из опаски, — но Лёня почему-то часто отлучался в уборную, и, хотя ничего не пил, кроме чаю, с каждой отлучкой всё пьянел и пьянел. Все впали в транс от этого, а Лёня, наконец, вышел из уборной без шапки, и Олег понял, что Терехов припас в кармане бутылочку и прикладывался к ней в тишине клозета. Для вдохновения, чтобы читать стихи.

— Если Терехов идёт, то ожидай маразм и сумасшествие! — раздался вдруг голос сверху, со шкафа. То произнёс Коля, который уже сидел там с четвертинкой водки.

Какая-то маленькая смеющаяся девочка подошла к шкафу и вытянула личико:

— А ты знаешь, Коля, кому, я слышала, Терехов любит больше всего читать свои стихи? — прошептала она. — Трупам! — и она подняла пальчик. — Да, да, трупам. Человеческим. Он как-то умудряется присутствовать среди них.

В ответ Коля молча налил ей стопочку и протянул со шкафа.

Терехов вошёл, и тут же его окружили. Был он растерзан, в распахнутой рубашке, и выглядел старше своих 26 лет.

— Лёня, штрафную!.. Где ты, где ты пропал?! Тебя все ищут по Москве!

— Да разве его найдёшь?!

— Пива!

И ему налили кружку пива. Он плюнул в неё и отпил.

Но его появление неожиданно внесло метафизические ноты в загул. По всем этим людям, в этих

двух комнатах с их непонятной мебелью и безумными картинками на стенках, вдруг прошёл некий трепет. Неясно, с чего это началось, но идея этого трепета была такова: надо превращаться, превращаться и превращаться! Превращаться — в кого? Это было неизвестно! Но в этом движении смешалось всё: и жажда бытия, и желание вырваться из себя, превратиться во что-то иное, может быть, даже в светоносное. Ко<л>я так и подпрыгивал на шкафу от этих предположений. Из-за этого водка пролилась на голову смеющейся девочки Лены.

— Превратиться... Превратиться... Превратиться, — этот шёпот... это бормотание передавалось от одного человека к другому и охватывало почти всех.

— Я чувствую, что во мне зреет моё будущее воплощение, — бормотал молодой человек в красной рубашке. — Оно будет кошмарным. Моя душа воплотится не в этом мире. Он будет чёрным, с огнями-провалами, и никто в нём не найдёт друга друга.

— И я вижу в себе... — кричал кто-то в ответ, схватясь за галстук Беркова.

— Вырваться, вырваться, вырваться! — стонал Закаулов, вставший из своего угла.

— И улететь!

— Куда улететь?! Куда... Куда?!

— Я знаю...

— Но мы там будем одинокими...

— А я хотела бы стать котом, — вставила белокурая девочка из Катиной свиты. — Просто так. Не от ума.

Лёня, стоявший по-прежнему в центре комнаты с пивной кружкой в руке, недоумённо и сердито реагировал на эти бормотания.

Наконец, он прервал всех.

— А я вам вот что скажу! — закричал он, и все обернулись к нему. — От себя не улетишь! ...К адку, к адку надо привыкать!

— К какому «адку»?

— К обыкновенному. К аду. Который здесь на земле, и особенно после смерти. Да поймите же вы — и его мутные глаза вдруг загорелись — эти тихие спокойные вещи: большинство людей в аду будет! Да и сейчас полуад на земле... Так вот привыкать, привыкать надо. (Лёня даже застонал...) Надо приучаться любить страдания, любить ужас и вопреки всему жить в аду своим бытием! Ведь бытие наше всё равно там останется, и оно есть. Патологическая любовь к жизни в аду — вот в чём сейчас нуждается человечество! Брести по чёрному, обездоленному миру и любить своё бытие!

— Не слишком ли?

— И даже мерзость, мерзость любить! Потому что иначе не вывернешься: она всегда с людьми, любим мы её или нет. Уже здесь, на земле, повенчаться со страданием... Тренироваться, тренироваться надо для ада! Ишь, адожители!

И он захохотал — по-своему, дико и с надрывчиком.

— Ну, начинается, — проговорил недовольный Олег.

— Я почему в свою кружку плюю, — покачнулся Лёня. — И ещё плюну. Вот. (И он плюнул.)

Это высший экстаз: жизнь мерзка, а я всё равно её люблю.

И он влил пиво себе в глотку.

— Жизнь мерзка, а я всё равно её люблю... — это опять каким-то шёпотом пронеслось по комнатам. Всё смешалось, и всё завертелось.

Кто-то говорил, что вечного ада не существует: почитайте индусов и эзотериков... Но не так важно, сколько он длится... Просто: страдания, страдания и страдания... Разве их мало уже на земле? Здесь тоже стал полуад.

Другой говорил, что пришедший к чистому бытию в аду тем самым освободится от ада; но знающий, как освободиться от ада, не попадёт в него.

И все вдруг стали смеяться и наливать в стаканчики водку...

— Странники... милые странники, — говорила Катя Корнилова, подняв высоко бокал с водкой, — жизнь так прекрасна, ошеломляюще! Даже ангелам не так хорошо, как нам! Если есть дух внутри!

«Адожители», как обозвал всех Терехов, согласились с этим.

— Не мерзость надо любить, ребятки, а бытие, бытие, даже если оно среди мерзости: вот в чём дело, — и Катя подошла близко к Терехову. — Ты понимаешь?

— Я всё понимаю, царевна бытия! Я почти это и имел в виду. Но я всё-таки опять плюну в свою кружку...

— Водочки, водочки бы сюда, — улыбалась всем широколицая Верочка Тимофеева.

— Ты же прямо в ней плещешься, — отозвалась её подруга. — Иди, иди сюда, Верочка... Я расскажу тебе свои последние цветные сны. Идём в уголок.

И она взяла её за руку.

— Бессмертия, бессмертия! Бессмертия! — внезапно закричали из какого-то дальнего угла.

...Да, да, вот оно, найденное слово; вот чего им действительно не хватает: бессмертия. И это слово, как молния, как взрыв, прошло по комнате.

— О, конечно, бессмертия, бессмертия! — застонала Катя, вдруг раскинув руки. Глаза её на белом лице загорелись, и вся она засияла внутренней огненной красотой. — О, как я хочу бессмертия! Никто не знает об этом!

«Бессмертия — необязательно божественного, — думала она. — Бессмертия — чтобы жить, жить где угодно, пусть в квазимирах забытых галактик или в бредовых сочетаниях астральных пространств — но жить. А что значит жить? Это значит ощущать себя, своё бытие». И Катя поцеловалась с Тереховым.

— Да, да, мы будем жить! — пробормотала она. — И наплюём на собственный труп — с небес! Давай-ка чокнемся за это!

— Бессмертия, бессмертия! — завопили из дальнего угла.

— Водки... водки... водки! — раздался другой крик.

Один молодой человек уже был под столом и посматривал на Колю — который был вверху, на шкафу.